

Дискурсивное поле отечественных кинофильмов как генетическая база фразеологической деривации

Анна Игоревна Казакова

Астраханский государственный университет, Россия
414052. Астрахань, ул. Татищева, 20а
аспирант
E-mail: @liranna.ru

Аннотация. Статья раскрывает содержание понятия «дискурсивное поле». Показаны деривационные процессы в дискурсе отечественного кинематографа на примерах фразеологических единиц из дискурсивного пространства отечественных кинофильмов. Представлен сравнительный анализ дериватных пар и их источников, особенности фразообразования, способы создания дериватов.

Ключевые слова: деривация; дискурсивное поле; фразеологические единицы (ФЕ); трансформация.

Введение. Фразеологический фонд русского языка непрерывно обновляется, и это требует разностороннего анализа нового языкового материала, а также осмысления теоретической базы данного процесса.

Материалы и методы. Одним из источников пополнения фразеологических единиц (далее ФЕ) является кинодискурс – когнитивное образование, имеющее структуру и характеризующееся такими признаками, как связность, цельность, интертекстуальность [1].

Когнитивно-дискурсивный анализ позволяет исследовать этнокультурную природу ФЕ, интерпретационной базой которых является отечественный кинофильм, который рассматривается нами как дискурсивное поле – пространственная идиоэтническая категория, «в пределах которой проявляется взаимодействие идиоматики, сознания и культуры» [2] (в связи с этим актуальны также категории дискурс-парадигматики и дискурс-синтагматики [3]).

Обсуждение. Интерпретационный потенциал дискурсивного поля кинофильма «Белое солнце пустыни» обусловил активное самостоятельное функционирование ФЕ **за державу обидно!** – ‘разочароваться в событиях, которые происходят в стране’. Анализ употреблений ФЕ **за державу обидно!** показал, что косвенно-производная единица активно используется в качестве названий литературных произведений, ср.: 1. Дмитрий Пучков: За державу обидно (Издательство: Крылов, 2009); 2. Лебедь Александр Иванович. За державу обидно... (Издание: Лебедь А.И. За державу обидно... М.: «Московская правда», 1995). 3. Юрий Игнатьевич Мухин. За Державу обидно! (М.: «Яуза», 2004.). Семантика ФЕ отражается в содержании книги: *Если внезапно исчезнут преступники и террористы, то чем будут заниматься генералы и офицеры спецслужб и армии? Готовы ли они спуститься в шахты или стать лесорубами? Спецслужбы нас защищают от преступности или плодят преступность?*

Лингвокреативный продукт когнитивного процесса, то есть мыслительная информация, обуславливает фразеологическую деривацию в дискурсивном поле конкретного кинофильма. Рассматривая деривацию, вслед за Ю.А. Гвоздаревым, как «процесс образования языковых единиц, который протекает на уровне речемыслительной деятельности человека» [4], мы исследуем фразеологическую динамику в дискурсивном поле отечественного кинофильма, учитывая влияние лингвистических и экстралингвистических причин на изменения в семантике, структуре и грамматическом оформлении исходных ФЕ. В центре фразеологической деривации находятся исходная, производящая ФЕ и производная ФЕ (фразеологический дериват).

На наш взгляд, дискурсивное поле того или иного кинофильма стимулирует производящую ФЕ к разного рода семантическим и структурным преобразованиям, в результате чего появляются новые знаки косвенно-производной номинации, которые возможно рассматривать как производные ФЕ, что убедительно доказывает наш исследовательский материал. Рассмотрим ФЕ **ловкость рук, и никакого мошенства** – ‘о ловкости, хитрости, как иронический комментарий к ловкому обману, совершаемому прямо на глазах у жертвы, к нечестной игре’. Эта реплика Мустафы, одного из героев фильма «Путевка в жизнь» (режиссер Н.В. Экк) стала популярной еще в 1931 году. Эта ФЕ, как утверждается в книге К. В. Душенко «Словарь современных цитат», восходит к словам знаменитого фокусника Янтъена Амстердамского: «Раз, два, три! Быстрота – совсем не колдовство». Но она использовалась также в первой версии романа «Двенадцать стульев» 1928 года, текст которой был опубликован в 1997 году, ср.: – *Отдай деньги!* – крикнул горец. – *Что?!* – закричал Остап. – *Люди видели! Никакого мошенства!* Видимо, данное выражение пользовалось популярностью в среде наперсточников того времени. Используется в разных значениях, но всякий раз в том смысле, что мошенничество на самом деле имеет место.

Данная ФЕ стала производящей основой в дискурсивном поле кинофильма «Карнавальная ночь» для появления производной ФЕ **ловкость рук – и никакого доклада**. Следовательно, ФЕ **ловкость рук, и никакого мошенства** и **ловкость рук – и никакого доклада** можно рассматривать как дериватные пары, так как в их составе есть общая ядерная часть «ловкость рук». Лингвистический анализ показывает, что изменение состава влечет за собой изменение фразеологической семантики: данные ФЕ отличаются по составу компонентов: элемент *мошенство* заменен на слово *доклад*. Это привело к изменению семантики, ср.: **Ловкость рук, и никакого мошенства** – ‘виртуозное владение, работа, исполнение’ и **ловкость рук – и никакого доклада** – ‘исчезновение текста доклада’.

Потенциальные возможности дискурса отечественного киноискусства как событийной категории подтверждают, что фразеологическая система языка характеризуется только относительной стабильностью и «выделяются фраземы, среду появления которых нельзя однозначно определить как этно- или инокультурную» [5]. Дискурсивное поле кинофильма может выступать как «пространственно-временное когнитивное поле, в пределах которого проявляется связь семантики фраземы с элементами «своей» и «чужой» культуры, т.е. происходит кодирование этно- и инокультурной информации в одном языковом знаке <...>. Выражение **в Багдаде все спокойно**, которое сейчас употребляется как шутивное заверение в том, что на вверенной территории никаких происшествий не произошло, восходит к детскому кинофильму «Волшебная лампа Алладина» (1996), где эти слова неоднократно восклицали стражники, обходящие ночной город и где эта же фраза была рефреном веселой песенки. Тем не менее в основу сценария самого фильма положен сюжет арабской сказки [6].

ФЕ из дискурсивного поля кинофильма, закрепляясь в языке, с течением времени, подвергаются различным трансформациям. В качестве причины могут выступать поиски новых образов или новые когнитивно обусловленные наблюдения. Новые ассоциации побуждают к изменению существующих ФЕ, их обновлению или созданию новых. «Для описания фразеологических процессов, – пишет Ю.А. Гвоздарев, – необходимо, прежде всего, определить исходный материал: значение, получающее утверждение в новой единице, и тот материал, с помощью которого это значение материализуется в языке (речи)» [7]. Следовательно, необходимо определить деривационную базу ФЕ для изучения их потенциальных возможностей в дискурсивном поле кинофильма.

Деривация ФЕ из дискурсивного поля кинофильма бывает многократной, то есть каждая производная ФЕ может стать производящей. Думается, необходимым условием становится установление критериев производности ФЕ из кинофильмов при наличии известного и конкретного известного источника, участвующего в ее образовании. Так, для признания косвенно-производной единицы дериватом, С.Н. Денисенко считает наличие структурно-семантического сдвига и подчеркивает, что отношения синхронной производности наблюдаются при следующих условиях: 1. Наличие общей «ядерной части» (структурной и семантической). 2. Структурно-семантическая соотносительность производной ФЕ и производящей [8].

Наш исследовательский материал подтверждает данные положения. Так, ФЕ **без бумажки мы мурашки!** из дискурсивного поля кинофильма «Улицы разбитых фонарей» произошла из известного выражения **без бумажки – ты букашка** из «Песенки бюрократа», написанной советским поэтом Василием Ивановичем Лебедевым-Кумачом для эстрадного обозрения Московского дома печати «Вопрос ребром». Как видно, в обеих ФЕ есть общая ядерная часть – **без бумажки** и общее значение – ‘без документа, паспорта, диплома, справки и т.д. человеку трудно доказать иногда даже сам факт своего существования’. *Бумажка* имеет значение – ‘справка, документ, удостоверяющий что-либо’.

Так, названные ФЕ, помимо общности типа деривационных баз и общности процесса фразеобразования, обнаруживают также общность структуры («предлог с существительным + грамматическая основа»), общность грамматического, функционального значения и общность семантических отношений между деривационной базой и продуктами деривации.

Процессы эволюции фразеобразования ФЕ в дискурсивном поле кинофильма возможно проследить при изучении однократного или многократного процесса деривации, при котором имеется единичное соотношение «производящая ФЕ – производная ФЕ». Одна ФЕ может производить только одну ФЕ из дискурсивного поля кинофильма. Каждая последующая ФЕ вытекает из предыдущей ФЕ. Например, производная ФЕ **Бог даст день – бог даст тыщу!** из дискурсивного поля кинофильма «Свидетельство о бедности» образована от производящей ФЕ **Бог даст день, даст и пищу** – ‘все обойдется, образуется’. Говорится тому, кто тревожится о своем завтрашнем дне, беспокоится, что нечего будет есть и т.п. Ср. **Будет день – будет пища**.

Многократный процесс фразеологической деривации характеризуется наличием нескольких ступеней: каждая ступень включает наличие двух ФЕ – производящей и производной. Производная ФЕ, образованная путем деривации, может стать также и производящей ФЕ. Например, ФЕ **пришел, увидел, обхамил** из дискурсивного поля кинофильма «Председатель» и ФЕ **пришел, увидел, опознал** из сериала «Следствие ведут ЗнаТоКи» образованы от одной ФЕ **Veni, vidi, vici (Пришел,**

увидел, победил). Это латинское выражение – слова, которыми Юлий Цезарь в 47 году до н.э. уведомил друга Аминция в Риме о победе.

В результате данных деривационных процессов на основе производящей ФЕ образуются целые серии дериватов, которые можно рассматривать как деривационно связанные фразеологические объединения.

Основываясь на оригинальном эмпирическом материале исследования, мы выделяем несколько групп ФЕ из дискурсивных полей кинофильмов:

1. Источник ФЕ – данные фразеологических словарей. Например, ФЕ **Невеста не волк – в лес не убежит**. («Не может быть!») является дериватом ФЕ **работа не волк – в лес не убежит** – ‘о необязательности срочного выполнения какой-либо работы; приглашение не спешить, обождать, задержаться’.

2. Источник ФЕ – художественная литература. Например, ФЕ **Лимпопо все возрасты покорны** (фраза из кинофильма «Где находится нофелет») представляет собой трансформированную цитату из романа в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин», ср.: **Любви все возрасты покорны; / Но юным, девственным сердцам / Ее порывы благотворны, / Как бури веющие полям.**

3. Источник ФЕ – популярные песни. Например, выражение **Ах, вернисаж мой, вернисаж. Какой портрет, какой массаж!** (фраза из кинофильма «Раз на раз не приходится») заимствовано из песни «Вернисаж». ср.: **Ах вернисаж, ах вернисаж. / Какой портрет, какой пейзаж!**

Часть словарных ФЕ заимствована в исходном структурно-семантическом варианте, но большая часть является дериватами (с заменой компонента или построенными по аналогии образной системы, контаминированные). Анализируемые нами ФЕ репрезентируют устную речь как наиболее древнюю форму языка и сохраняют следы древнего синкретизма. Как отмечает Л.Г. Золотых, «обыденное общение очень часто опирается на ассоциативный характер человеческого мышления. Мы с легкостью извлекаем из соответствующей ситуации уровень глубины семантики фразеологической единицы. Чувственно-образная реакция на мир в повседневной сфере общения подчиняет себе свойственную человеку ориентацию на рациональное восприятие мира. В процессе «заурядного» разговора человеку меньше всего свойственно устанавливать логические и причинно-следственные связи, поэтому мы заменяем их ассоциативными и нередко случайными [9].

Оригинальное и авторское употребление ФЕ в дискурсе кино может вносить изменение в план содержания и в план выражения. Изучение фразеологической деривации требует обращения к этимологии, привлечения данных из кинематографа, литературы, музыки и фразеологии (отметим, что интерпретативная культура профессиональной языковой личности рассматривается в работе [10]). Привлечение этих данных способствует обнаружению причинной связи между исследуемыми единицами дериватной пары (производной и производящей ФЕ).

Проведенное нами исследование ФЕ из дискурсивных полей отечественных кинофильмов и анализ данного пласта ФЕ на материале словаря А.В. Кожевникова [11] позволили представить следующую модель образования таких ФЕ, которая отражает деривационные процессы (рис. 1).

Следующие примеры иллюстрируют особенности каждой группы фразеологических единиц.

1. ФЕ, появившиеся в одном фильме и перешедшие в другой:

а) трансформированные: **В нашем деле главное – дрессировка**. («Девушка с гитарой»). Далее все ФЕ являются дериватами названной:

В нашем деле главное – включить зажигание. («Друг мой, Колька!..»). **В нашем деле главное – этот самый реализм**. («Бриллиантовая рука»). **В нашем деле главное – это спиться на берег**. («Если есть паруса»);

б) построенные по одной синтаксической схеме:

Ларек – дело хлебное! («Повесть о первой любви»). Ср.: **Восток – дело тонкое**. Это реплика красноармейца Сухова в фильме «Белое солнце пустыни». Данная ФЕ является комментирующей репликой по поводу рассказа, сообщения о каком-либо запутанном деле, сложной ситуации. Может быть употреблена по отношению к ситуации, которая требует осторожности и размышлений (в таких случаях компонент *восток* обычно заменяется другим).

2. ФЕ из фразеологического фонда русского и других языков, пословиц, крылатых слов и выражений известных людей:

а) трансформированные: **В тесноте, да не в Бутырке** («Конец операции «Резидент»). Ср.: **В тесноте, да не в обиде** – ‘небольшое неудобство’;

б) построенные по одной синтаксической схеме: **От перемены жены человек не меняется** («Разные люди»). Выражение построено по аналогии с высказыванием древнегреческого ученого Архимеда – **от перемены мест слагаемых сумма не изменяется**;

в) контаминация элементов: **Возвращение гадкого утенка**. («Шапка»). Ср.: **Возвращение блудного сына**. Данное выражение составляет одну часть производной ФЕ. Это название картины Рембрандта на сюжет притчи о блудном сыне. Другая часть представлена ФЕ

гадкий утенок. Она является названием сказки писателя Г.Х. Андерсена. Так иносказательно говорят о человеке, чьи истинные достоинства открываются неожиданно для окружающих.

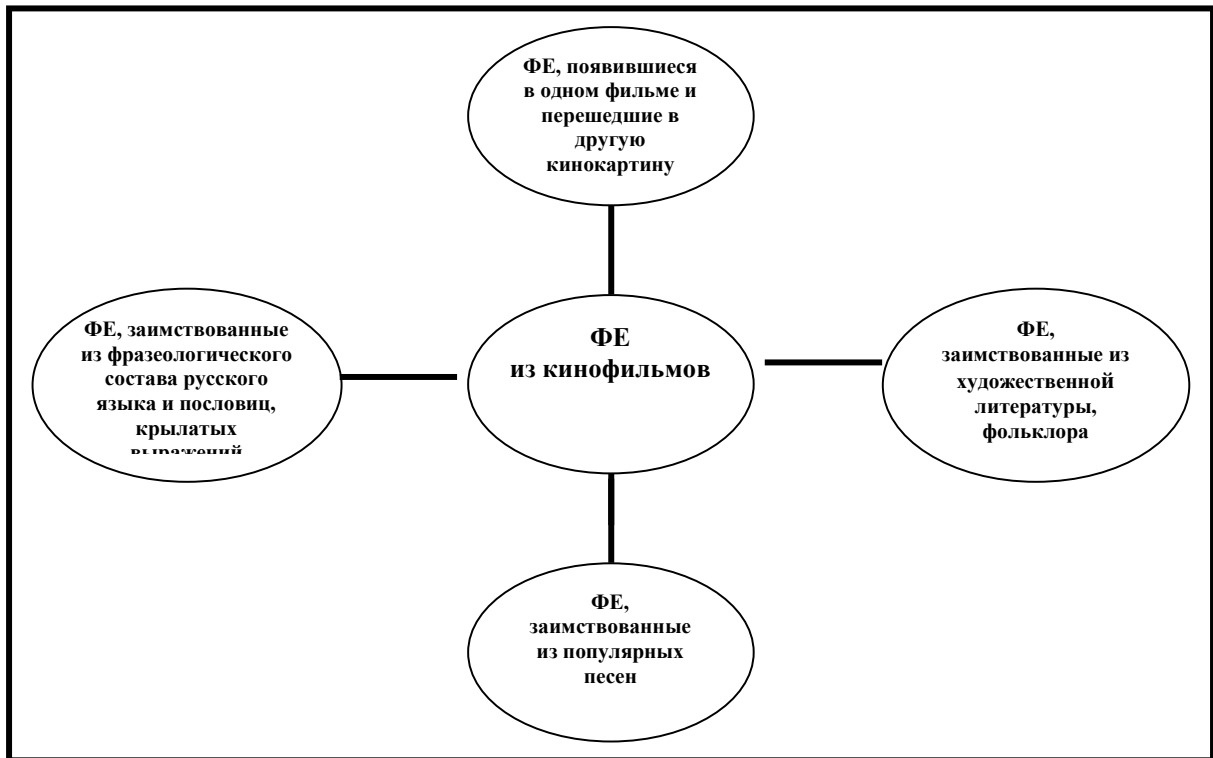

Рис. 1. Источники пополнения ФЕ из дискурсивного поля кинофильмов

3. ФЕ, заимствованные из художественной литературы, фольклора:

а) трансформированные: **О, гастрологи шапито! Среди шумного бала проездом...** («Большой аттракцион»). Ср.: А. Толстой «Среди шумного бала, случайно...»: **Среди шумного бала, случайно, / В тревоге мирской суеты, / Тебя я увидел, но тайна / Твои покрывала черты;**

б) построенные по одной синтаксической схеме: **Один отец – хорошо, два – лучше! Я б в родители пошел, пусть меня научат!** («Бабник»). Ср.: Владимир Маяковский «Кем быть»: **Столяру хорошо, а инженеру – лучше, / я бы строить дом пошел, пусть меня научат.**

4. ФЕ, заимствованные из популярных песен:

а) трансформированные: А я такой голодный, как айсберг в океане («Поезд вне расписания»). Ср.: «Айсберг»: **А я про все на свете / С тобою забываю, / А я в любовь, как в море, / Бросаюсь с головой! / А ты такой холодный, / Как айсберг в океане, / И все твои печали / Под черною водой!**

Результаты и выводы. Таким образом, дискурсивное поле отечественных кинофильмов представляет из себя многогранную систему, в которой рождаются новые ФЕ, дериваты, дериватные пары. Фразеологическая деривация, являясь видом расширения и пополнения фразеологического корпуса языка, формирует значительное многообразие ФЕ на материале различных дискурсов, в частности кинодискурса, и является постоянным, системным и коммуникативным фактором фразообразования (актуален в заявленном ключе также аспект дискурсивных процессов [12], изучаемых Сочинской лингвориторической школой [13, 14]). В качестве перспективы нашего исследования можно рассматривать обращение также к библеизмам (см., напр.: [15]) как разновидности крылатых выражений.

Примечания:

1. Самкова М.А. Кинотекст и кинодискурс: к проблеме разграничения понятий // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 1(8). Тамбов, 2011. 137 с.

2. Золотых Л.Г. Когнитивно-дискурсивные основы фразеологической семантики. Астрахань: «Изд-во «Астраханский университет»», 2007. 265 с.

3. Vorozhbitova A.A. Discourse-paradigmatics and Discourse-syntagmatics Categories in Linguo-rhetoric Paradigm // European researcher. 2011. № 11 (14). P. 1532-1537.

4. Гвоздарев Ю.А. Основы русского фразообразования. Ростов-н/Д.: НМЦ «Логос», 2010. 246 с.

5. Хохлина М.Л. Роль этно- и инокультурного факторов в формировании фразеологической семантики дискурсивного пространства «Своего» и «Чужого» // Известия Волгоградского государственного педагогического университета Серия «Филологические науки». 2010. № 5. С. 40-43.
6. Там же. С. 43.
7. Гвоздарев Ю.А. Указ. соч.
8. Денисенко С.Н. Фразеологическая деривация // Вестник Московского государственного лингвистического университета. М., 2006. С. 45-47.
9. Золотых Л.Г. Семиотика культуры и формирование фразеологической семантики // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия «Филологические науки». 2006. № 3. С. 15-20.
10. Ворожбитова А.А. Интерпретативная культура языковой личности как инструмент изучения дискурсивных процессов: теория и методика формирования в лингвориторической парадигме // Вестник Сочинского государственного университета туризма и курортного дела. 2012. № 2 (20). С. 197-200.
11. Кожевников А.Ю. Крылатые фразы и афоризмы отечественного кино / Авт.-сост. А.Ю. Кожевников. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2009. 672 с.
12. Ворожбитова А.А. Комплексное исследование дискурсивных процессов в российском социокультурно-образовательном пространстве XIX–XXI вв.: программные установки лингвориторической парадигмы // Вестник Сочинского государственного университета туризма и курортного дела. 2012. № 1 (19). С. 182-185.
13. Ворожбитова А.А. Сочинская лингвориторическая школа: программа и некоторые итоги // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2011. № 1. С. 77-83.
14. Потапенко С.И. Сочинская лингвориторическая школа как коллегиальный субъект исследования дискурсивных процессов // European Journal of Contemporary Education. 2013. Vol. (5). № 3. P. 162-172.
15. Ворожбитова А.А., Зуев М.Б. Библизмы как интертекстуальный оператор в коммуникативном пространстве Интернет // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 10 / Под ред. проф. А.А. Ворожбитовой. Сочи: РИО СГУТиКД, 2007. С. 39-51.

UDC 8; 81:112.4

Discursive Field of Russian Movies as Genetic Basis of Phraseological Derivation

Anna I. Kazakova

Astrakhan State University, Russia
20a Tatishcheva Str., Astrakhan 414052
Graduate

Abstract. The article reveals the meaning of the notion 'discursive field', shows derivation processes in Russian cinematography discourse on the examples of phraseological units from discursive environment of Russian movies, presents the comparative analysis of derivate pairs and their sources, phrase formation features, ways of derivatives formations.

Keywords: derivation; discursive field; phraseological units; transformation.